Москвич

Власть и судьба Юрия Лужкова

Михаил Щербаченко

Биографии XX века

Михаил Львович Щербаченко

Москвич. Власть и судьба Юрия Лужкова

Серия «Биографии XX века»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53835729
Москвич. Власть и судьба Юрия Лужкова: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121861-4

Аннотация

Предлагаемая книга – попытка увидеть и понять недавно скончавшегося Ю.М. Лужкова не столько как градоначальника и политика, сколько как человека, следовавшего принципам и правилам, установленным для самого себя. По мнению автора, чьи наблюдения вкупе с интервью бывшего мэра Москвы составляют содержание книги, именно приверженность собственным внутренним законам вела Лужкова и к победам, и к неудачам.

Автор книги Михаил Щербаченко – публицист и писатель. Работал в ведущих изданиях страны, на центральном телевидении. Написал ряд известных книг – «Краткий курс научного карьеризма», «Жизнь как искусство встреч», «Круиз для среднего класса» и других. Возглавлял комитет по телекоммуникациям и средствам массовой информации в

правительстве Москвы. Лауреат ряда профессиональных премий, заслуженный работник культуры России.

Содержание

Предисловие, похожее на некролог 6
Жизнь по правилам – это свобода? 10
Глава о том, почему автор завел блокнот с шифром: «Ю. М. Л.» 10
Муниципальный вестерн 15
Глава о том, что хотел бы мэр Москвы увидеть в кинофильме про мэра Москвы 15
Забавная игра «подтолкни к промаху» 36
Глава о том, что если не можешь изменить ситуацию, измени взгляд на нее 36
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Михаил Щербаченко Москвич. Власть и судьба Юрия Лужкова

© М.Л. Щербаченко, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие, похожее на некролог

Когда издательство «АСТ» предложило переиздать мою книжку о Лужкове, идея показалась странной. Кому это будет интересно? Со дня смерти бывшего мэра Москвы прошел месяц, а со времени опубликования книги – восемнадцать лет. Так что рубеж описанных в ней событий – начало нулевых. Совсем другое время, другие вводные – Лужкову править Москвой еще целых восемь лет, он в полной силе, от него пока что не устали, после жестких трений он наладил отношения с президентом Путиным, и все складывается вполне оптимистично.

Еще далеко впереди шумные городские скандалы, обвинения в том, что дышал альпийским кислородом, когда Москва задыхалась торфяным смогом, выпады градоначальника в адрес президента Медведева, залп федеральных телеканалов о коррупции в столице. Еще не сказана злосчастная фраза: «Если бы моя жена не была женой мэра, она была бы еще богаче», еще не придумано Лужкову прозвище «старик Батурин». И уж совсем невозможно вообразить, что исключительно яркую карьеру оборвет отставка с унизительной формулировкой: «в связи с утратой доверия».

Чтобы восемнадцать лет оставаться во власти, в высших ее сферах, нужна недюжинная сила. Она же нужна, когда власть у тебя забирают. Здесь неуместны слезы сострада-

ния, – тот же Лужков наверняка годами истреблял в себе обременительные для большого начальника сантименты и жалость к ближнему, закалялся опытами боев, держал удары и рубил головы. А кто рубит сам, тот не может не понимать, что однажды рубанут и его.

Еще в пору своего расцвета Юрий Михайлович заявил: «Властью не награждают, властью наказывают». Тогда прозвучало не столь философски, сколь кокетливо, в стиле «господи, как же тяжело быть знаменитым». Но, может быть, именно отлучение, отторжение, принужденное отвыкание от власти становится наказанием. И приносит тяжкую боль, как может болеть ампутированная рука.

В этом деле, думаю, у каждого свое таинство. Одних изводит обида на весь белый свет. Других – ощущение, что все лучшее безвозвратно ушло. Третьих – что не на кого наорать. Четвертых – что никто не звонит. Пятые надеются, что без них все рухнет. Шестые соединяют все названные фобии.

Что именно переживал Лужков, нам неведомо, но каждому, кто его знал, было ясно: после отставки он не ляжет скорбеть на диван; могучее самолюбие этого человека не позволит ему принять позу «павшего льва», «сбитого летчика» или иной жертвы.

Восемь последних лет я с Юрием Михайловичем не виделся и знал о нем то же, что и все. Создал крупную агрофирму в Калининградский области, выращивает гречку и бычков, самолично работает за рулем комбайна. Время от вре-

мени высказывается на злобу дня, издал мемуары. Трудно сказать, насколько увлекали его эти занятия, но все же вряд ли он родственная душа Диоклетиана, римского императора, который в опале выращивал капусту и отказался возвращаться на правление. Лужков, если я его верно понимаю, без колебаний променял бы свою гречку на власть. Но не позвали.

У него была любимая формула: сначала нужно выбрать цель, затем – траекторию движения к цели и, наконец, скорость движения по траектории. По жизни он был конструктором, системщиком, плановиком. Но в его планы точно не входила смерть. Боялся ли он ее? Кто ж знает. Но совершенно точно боялся физической немощи. В этом смысле смерть Юрия Михайловича пощадила.

В биографии незаурядного человека поставлена точка, но в его судьбе осталось многоточие. Кем и как долго останется Лужков в памяти, в новейшей истории страны, – вот вопрос. После его кончины я поизучал комменты в Интернете, – много сочувственных, но полно и злорадных. Однако, примечательно тут другое.

Персона, к которой публика, казалось бы, навсегда утратила интерес, после своей смерти вызвала волну суждений. И это, как ни крути, дань памяти большого человека. Который до конца дней стремился к саморазвитию и который под гробовой крышкой, так и не снятой на панихиде, унес с собой множество знаний, энергий, навыков, впечатлений, за-

мыслов, амбиций и желаний.

Существуют три главные мужские мотивации: власть, деньги, слава. Кто получил хотя бы один бонус из трех – уже молодец. А у Лужкова – все три! И вам не интересно, почему?

Конечно, по прошествии без малого двух десятилетий с момента выхода моей книги о московском мэре многое видится по-другому. Сейчас я бы написал иначе или не писал бы вовсе. Но тогда, в начале нулевых, этот человек казался мне ровно таким, каким увидит его читатель, если не захлопнет книжку после прочтения этого предисловия.

Михаил Щербаченко

Жизнь по правилам – это свобода?

Глава о том, почему автор завел блокнот с шифром: «Ю. М. Л.»

Четыре года назад, осенью 1999-го, Юрий Михайлович Лужков выпустил книгу «Российские законы Паркинсона». В ее основе – лекция, прочитанная в Международном университете в Москве (там учат будущих управленцев).

Я был на той лекции. Лужков к ней готовился, вышел к студентам с пространным конспектом. Но, открыв первую страницу, подумал и отложил бумаги в сторону. А через два часа, закончив выступать, снова взял конспект и сказал: «Все это написано тут, в лекции, которую я собирался вам прочесть». Чем вызвал веселый студенческий гогот и сорвал бурные, продолжительные аплодисменты.

В книге о том, как проецируются знаменитые управленческие законы сэра Сирила Норкота Паркинсона на нашу российскую действительность, автор о самом себе почти ничего не говорит. Тем не менее сочинение отчетливо автобиографично – в том смысле, что открывает нам личность человека, которого на мякине не проведешь. Не выйдет. Он понимает эту страну, как мало кто.

Известный как «крепкий хозяйственник» (именно для московского мэра придумали это определение, ставшее штампом), нацеленный на «конечный результат» (как будто результат может быть бесконечным или неоконченным), Лужков прекрасно осознает, что (дальше несколько цитат из книги):

«каждый отдельный приказ исполняется плохо, зато вся система в целом более устойчива, потому что приспособилась к выживанию в условиях дурного управления»;

«если поставлена задача, то надо найти мотивы, чтобы не решить ее. «Невозможно» – самое сладкое слово в отечественном деловом лексиконе»;

«глобализовать проблему и тем ее угробить – первая и, главное, почти бессознательная реакция российского человека. Навык, культура, ритуал»;

«у нас обожают начала, но совершенно невозможно добиться, чтобы что-то было доведено до конца».

Все это Лужков понимает – но достигает результата! В чем не могут отказать ему даже злейшие оппоненты.

Прочитав книгу о российских законах Паркинсона, я подумал: а ведь у ее автора наверняка есть собственные законы, есть принципы и правила, отработанные для самого себя. Лужков по своему складу человек системный: стара-

ется системно думать, действовать, жить. Но вот как это у него получается? Журналистская работа дала мне возможность «установить наблюдение» за мэром с недалекого расстояния. Причем в тот период его жизни, когда смешались удачи с проигрышами, волевые победы над собой с бессилием перед непросчитанными обстоятельствами, неожиданные предательства с ожидаемой преданностью. Период, которого по мыслительной интенсивности, по напряжению эмоций, по энергетическим расходам иному человеку хватило бы на целую жизнь.

Однако, выполняя заповеди своей системы, Лужков старается (что, по-моему, несложно заметить) быть свободным и раскованным. Тут нет противоречия; свобода – это тоже система, и у нее есть собственные законы.

Тогда, четыре года назад, показалось, что это – тема. Тема очерка о законах Лужкова.

Смущало одно: о мэре уже написано столько, что, если сложить публикации в стопку, ее высота сравняется с носом Петра Первого, стоящего на стрелке Москвы-реки. Уверен ли я, что смогу что-то добавить? Или хотя бы увидеть то же самое под иным углом зрения? Надеюсь, да. Потому что большинство материалов о Юрии Михайловиче касаются его политических планов и ходов или хозяйственных акций. Мне же кажется, что и первое, и второе в большой мере является производным от внутренних законов Лужкова. В них надо искать причины его успехов и неудач. А также

объяснение того, почему целых десять лет мэр Москвы не выходит из спектра общественного внимания.

В то самое время, когда я завел блокнот и написал на обложке таинственное «Ю. М. Л.», французские политологи, проанализировав зарубежную прессу о Лужкове, составили и опубликовали сводную таблицу. Слева столбиком перечислялись положительные стороны натуры, справа шли отрицательные.

Слева: популярный, глава предприятия (надо понимать, Москвы), прагматичный подход к власти, широкая поддержка в финансовых кругах, динамичный, энергичный, боевой, символ физического и морального здоровья, националист (для французов это, выходит, плюс), личная харизма, близок к народу.

Справа: москвич (наверное, в минусы Шираку ставили «парижанин»), опрометчивые методы, авторитарный аппаратчик, агрессивный политик, высокие инвестиционные аппетиты (это, оказывается, плохо), излишне независимый, хитрец, отсутствие дипломатии, ложная скромность, экстремист.

Что здесь правда, что туфта – поди пойми. Кто как видит. Мне, к примеру, кажется, что достоинства мэра гораздо интереснее его недостатков. А, впрочем, кто вправе судить, что есть достоинство, что – недостаток. Тем более если одно является продолжением другого, а в Лужкове это просматривается, как ни в ком ином.

В предлагаемом вам очерке переплелись интервью, в разное время взятые автором у Ю. М. (воспользуемся таким сокращением; когда рассказываешь о большом начальнике, не хочется выглядеть чинопочитающим и по три раза на странице растягивать его имя-отчество), и мои записки вне хронологической последовательности. Строгости и цельности, словом, не ищите. Ищите попытку увидеть целое через детали.

Почему бы нет? Мы разбираем по косточкам и раскладываем по полочкам интересных нам людей – не для того ли, чтобы лучше понять самих себя?

Муниципальный вестерн

Глава о том, что хотел бы мэр Москвы увидеть в кинофильме про мэра Москвы

Идея снять художественный фильм про московского мэра появилась на свет настолько легко и логично, что стало даже странно, почему она раньше не приходила в голову.

Нет, в самом деле: люди власти, коридоры власти – вкусная тема. Действие многих западных картин и телесериалов происходит в муниципалитетах, аппаратах городских и федеральных ведомств, кабинетах министров и президентских структурах. Заграничный зритель смакует политические и коммерческие интриги, чем приносит фильму высокий рейтинг и, соответственно, рекламные, прокатные и авторские доходы. А мы-то что, сограждане? Наша власть, поди, позабористей американской, есть что показать. И однако, где они, такие ленты? Из дальней памяти приплывает только «Прошу слова» Глеба Панфилова с Инной Чуриковой в роли председателя горисполкома, но то семидесятые годы, другие люди, другая страна.

И вот в середине года 2003-го российское ТВ показыва-

ет американский фильм «Мэрия». Аль Пачино в роли мэра Нью-Йорка. Не бог весть какое кино, но исполнитель главной роли хорош и знаменит, сюжет закручен изрядно, и вопрос: «Неужели у нас на Тверской то же самое творится?» возникает у зрителя вполне естественным образом. Почти одномоментно с демонстрацией «Мэрии» на большой экран с премьерным звоном выходит фильм Павла Лунгина «Олигарх», где Владимир Машков изо всех сил создает романтический образ Бориса Березовского. Понятно, что тема власти, отношений власти и бизнеса тут центральная.

В общем, то ли эти фильмы разогрели интерес к теме, то ли пытливая продюсерская мысль отыскала вакантную нишу, но известная киностудия вознамерилась снять кино про мэра Москвы. Пригласили хорошего, известного режиссера, он охотно и деловито влез в тему и вскоре сам начал работать над сценарием. Творческая группа разминала материал тщательно и с большим интересом (для чего позвали и автора этих строк).

На горизонте замаячил настоящий блокбастер. Ведь больше десяти лет управляет мэр столицей, и чего только за этот период здесь не происходило – войны и пиры, драмы и водевили. Всякого насмотрелась наша Москва, да и мы с ней. И во всем участвовал градоначальник, а многое сам придумал и сам же воплотил.

С самого начала договорились: ни тени холуйства, ни вздоха подобострастия. Надо снимать честное кино о круп-

ной личности с непростой судьбой и сильным характером. В этом герое, конечно же, будет многое от Лужкова, но многим он должен и отличаться от прототипа – чтобы уйти от буквальных аналогий и не ограничивать авторскую фантазию.

Событийный ряд сценария был выстроен с размахом. Вот вертолет с мэром опускается с небес прямо к казино, в котором застрелен префект одного из административных округов столицы. Вот мэр бросается защищать рыночных торговцев от толпы вооруженных пиками хулиганов. Вот на него пускают асфальтовый каток, вот на праздновании Дня города за ним охотится громадная кукла Микки-Мауса с пистолетом… В сценарии было множество сюжетных линий и персонажей; переплетены городские чиновники – преданные и продажные, олигархи и трудяги, офицеры службы безопасности и бандиты, журналисты и артисты, жена мэра и дамы, которые хотели бы оказаться на ее месте.

Написанный сценарий по зрелому размышлению решили показать Лужкову. Мэр прочитал и не одобрил, пообещав изложить свои аргументы позднее. Но авторы проекта впали в столь глубокий транс, что за разъяснениями так и не обратились.

Спустя полгода это сделал я, заведя с Юрием Михайловичем разговор о несостоявшемся фильме.

– Чем же все-таки нехорош был сценарий?

– Нехорош – неточное слово. Он был неплох, в нем чувствовался талант автора. И тем не менее эта работа по-

казалась мне изначально вторичной. Она подыгрывала сегодняшней киномоде. Мордобой, погони, выстрелы, кровь. Фабула построена на мафиозных отношениях, на криминале. Получился то ли американизированный, то ли русифицированный вестерн на муниципальную тему. Город, в котором происходит действие, я не могу сопоставить с Москвой.

– Но почему? Ведь сценарий цитирует абсолютно реальные события, произошедшие в Москве. Побоище на Царицынском рынке, взрыв в подземном переходе на Пушкинской площади, убийство городского чиновника – все, как говорится, срисовано с натуры. А конкретная работа мэра? Привлечение иностранного инвестора для создания крупнейшего спортивного комплекса, выдворение казино из центра города, наведение порядка на рынках, наконец, регулирование баланса между интересами большого бизнеса и интересами большого города, – разве все это автор из пальца высосал? Разве это не правда?

– По жизни – правда, а по сценарию – лишь правдоподобие. Как бы это объяснить… Знаешь, меня всерьез волнует одна вещь: при реальном усложнении жизни наше общество стремится к упрощению взглядов на жизнь. Да, грязные сделки, шантаж, разборки, контрольные выстрелы, террористические акты – со всем этим мэру действительно прихо-

дится иметь дело, но все это в работе мэра не главное. Не главное!

Повторяю, в сценарии был виден талант, но еще отчетливее был виден стандарт. Даже штамп. А я очень не люблю штампы и всю жизнь стараюсь их преодолевать.

– Ну хорошо, давайте зайдем с другой стороны. Вы согласны с тем, что мэр города Москвы – фигура, достойная стать героем кинофильма?

– Достойная. Но не более, чем гоголевские старосветские помещики или толстовский конь Холстомер. Все дело в том, что увидят драматург и режиссер.

– А что вы сами посоветовали бы им увидеть? Допустим, вас пригласили главным консультантом фильма о мэре. Помните, во времена «Петровки, 38» и других милицейских детективов в титрах всегда стояло: главный консультант – генерал-майор такой-то. О чем бы вы рекомендовали снять кино?

– О том, что, на мой взгляд, интереснее стрельбы. О том, что до стрельбы. О том, что после. А лучше о том, что вместо. Почему не сделать фильм про столкновение сильных характеров, про борьбу интеллектов? Или противодействие нового и консервативного – чем не тема? Только ни в коем случае нельзя ее упрощать, сводить к конфликту самоотвер-

женных новаторов и мрачного болота. Это, во-первых, неинтересно, а во-вторых – неправда. Как правило, умны и сильны и одни и другие. Но есть некие проверенные временем правила общественного развития, и одно из них я бы сформулировал так: «Будущее всегда в меньшинстве».

– Может быть, это нормально? Все же консерваторы обеспечивают общественный баланс.

– Они не обеспечивают баланс, а поддерживают стабильность. И если мы говорим о противостоянии, то у консервативных элементов всегда больший потенциал. А их противникам приходится этот потенциал преодолевать. То есть затрачивать больше сил.

Или еще тема. Я, как руководитель, поддерживаю тех, кто стремится что-либо созидать. Но одновременно я хочу знать, ради чего эти старания. В большинстве случаев они связаны с наживой. Или мягче – с извлечением прибыли. Это в общем-то нормально, это логика жизни. Но вот как отыскать и «завести» людей, которые захотели бы созидать для пользы общества? Как поднять их на бескорыстное служение? Разве это не интересно?

А взять ставшую тотальной непорядочность – о, как ее можно раскрутить! Непорядочность в ведении бизнеса, в человеческом поведении. Дальше – тема принятия решения. Принимать решение – это совсем не экстаз, а трудный и

очень ответственный выбор. Ответственный – в том смысле, что ты за него отвечаешь по всей строгости. Это, знаешь ли, портит кровь.

– И проливает.

– Для умного кино интереснее, когда только портит. Работу мэра мегаполиса, тем более столицы, сопровождают такие конфликты и сильные страсти, такие столкновения характеров и интересов, что если их талантливо перевести на язык кино или театра, то без всякого кровопролития и даже без внешних эффектов сюжет будет держать зрителя в напряжении.

– Все, о чем вы сейчас говорите, вмещается в одну большую кастрюлю с названием «Власть». Конечно, под крышкой этой кастрюли происходит кипение…

– Власть, на мой взгляд, – вообще главный объект внимания искусства. Только любовь с ней сравнима. В предполагаемом фильме про мэра тему власти можно было бы раскрыть и точно, и тонко, и полно. Потому что столичный мэр в силу своего статуса находится в самом перекрестье властей, и из этой точки ему многое видно и понятно.

Власть бывает разной. Есть власть честолюбия – желания получить честь, поднявшись на вершину. Честь, которую принято отдавать человеку, стоящему выше тебя.

Есть власть диктатора, который через доступные ему рычаги не только демонстрирует, но и реализует свое главенство над остальными. Он способен и унизить, и уничтожить человека. Причем делает это с упоением.

Есть власть, которая используется для накопления богатства. Ее обладатель обирает подвластную ему систему и приобретает блага, которые потребуются ему, когда он от власти отойдет сам или будет отстранен.

А есть власть, которая позволяет реализовать добрые, созидательные цели. И вот она-то, эта власть, – самая эффективная.

– Можно разделить виды власти и по другим признакам. Существует власть административная; ее обладатель добивается результата с помощью управленческих приемов. Но при этом во все века существовала власть таланта, власть творца. Это когда тебе – мыслителю, ученому, художнику – подчиняются не по воле приказа, а по согласию ума и сердца. Причем история знает случаи, когда эта власть оказывалась сильнее даже тиранической.

Но интересно понять – что слаще? Вы, Юрий Михайлович, должны это знать, поскольку обладаете и сильным административным ресурсом, и общепризнанным творческим потенциалом, – это не лесть, просто всем известно, что вы автор и крупных градостроительных проектов, и доброй сотни изобретений,

и нескольких книг.

– Только не надо делать из меня властителя дум и помыслов. Мы ведь говорим не о значимости результата администрирования или творчества, а о самоощущении, да? Так вот, для меня самое интересное – это соединение того и другого.

Не хочу рисоваться, но я нередко собираю специалистов для разбора какого-то вопроса и при этом заранее знаю, как его решить. Но тем не менее всегда стараюсь подвести коллег к решению, которое считаю правильным. Разными приемами, но только не давлением, не приказом. И вот когда верный вариант после мозговой атаки находит их поддержку, они его приватизируют. Специалисты это решение уже считают своим. Вот в эти минуты я испытываю самое большое удовольствие.

– Вы поступаете с подчиненными так, как рекомендовано поступать с начальником. Высшим классом считается подбросить шефу выгодную тебе мысль, которую он «проглотит» и вскоре выдаст как свою.

– Такая метода подразумевает интеллектуальное превосходство подчиненного. Почему ты отказываешь начальнику в праве быть и умнее, и хитрее? И, кстати, тут возникает новый поворот. Есть такое понятие: эгоизм власти. Начальник

думает: это же не моя идея, это его предложение, – вот пусть он его и реализует. Жуткая психология, но такие вещи не редкость. Когда на вершине власти стоит человек, для которого главный фетиш – властвовать, всегда быть над всеми, независимо от того, что происходит в обществе, в государстве, – это ужасно. Это высший эгоизм властителя.

На моем веку была очень характерная история из этого ряда. Высший руководитель одной из стран, образовавшихся после распада СССР, разработал концепцию евразийского союза. Систему, которая могла бы реально помочь стабилизации и экономическому развитию постсоветских государств. Этот человек пришел к другому руководителю – руководителю более крупной державы. И сказал: давайте вместе выйдем с этим предложением. Вы больше, вы сильнее, и от вас в максимальной мере зависит возможность создания евразийского союза.

– Имен можно не называть, все и так понятно.

– Не сомневаюсь. Так вот, глава более крупного государства подумал: все бы ничего, но это же не моя идея, и кто-то об этом обязательно узнает. И ответил: блестящая мысль! После чего сделал все, чтобы похоронить эту и в самом деле превосходную концепцию. Вот тебе вопиющий пример эгоизма власти.

– Разрешите, однако, вновь обратиться к вам, как к

консультанту фильма о мэре. Спору нет, тема власти захватывает, но, как говорят киношники, какая будет картинка? От чего у зрителя мороз по коже пойдет? Заметьте, добрая половина публики воспитана на боевиках и клипах. Если их сразу не «схватить за глаза», они уйдут из зала или переключатся на другой телеканал. Можно сколько угодно говорить, что зритель устал от побоищ и заказных убийств, но пока это не более чем моральная сентенция.

– Знаешь, насчет того, что хочет зритель, вообще разговор особый. Мне могут сто раз повторять, что ТВ и кино – это зеркало, повернутое к обществу, но я точно знаю другое: здесь, как и в реальной рыночной экономике, покупают то, что продают.

Давай разберемся. Психологи считают, что у большинства людей мораль ориентирована не на сочувствие другому человеку, а на повсеместную социальную норму. В результате произошедшей в 80–90-е годы массовой ротации правящего слоя, так называемой элиты, в общественном сознании «поплыло» представление о норме, о нормальном образе жизни, о нормальном поведении. Я не собираюсь приукрашивать старый советский истеблишмент, но новая элита в своем абсолютном большинстве даже не понимает, что обязана задавать обществу ориентиры, предлагать норму. Мало того: нынешний правящий слой очень часто сам выступает образ-

чиком аномалий и даже обыкновенной дикости.

В результате сегодня из всех искусств для нас важнейшим является блатное. Культура блатного мира обильно представлена на государственном телевидении и главных сценах страны. «Зона» подчинила своему влиянию буквально всех.

Когда Россия расставалась с коммунистической идеологией, единственной альтернативой виделся либерализм западного образца. Помнишь, как осторожно начали говорить о том, что некоторые отклонения от общепринятых норм как минимум извинительны и представителям меньшинств должны быть предоставлены равные с другими людьми права. Но прошло совсем немного времени – и деградация либерализма привела к тому, что гомосексуализм, который не так давно вообще считали заболеванием, начали чуть ли не навязывать обществу. Творческие поиски на тему смены пола сделались нормой. Сплошь и рядом по телевидению идут программы, в которых геи выглядят предпочтительнее.

Нам говорят, что нельзя лишать человека права свободного выбора. И вот под этим флагом одни нахваливают наркотики, другие ставят на широкую ногу детскую порнографию, третьи несут благую весть о «голубой культуре», и все они преуспевают! Конечно, бизнес на человеческих пороках так же вечен, как и они сами; наше время отличается лишь масштабами бизнеса. На потребителях этих услуг наживаются миллиардные состояния, и тут требуются миллионы новых клиентов. Оптимальный вариант – готовить «кадры» с дет-

ства. Опять же по прописям о свободном выборе.

Но ведь свободный выбор начинается лишь тогда, когда сформирована человеческая психика, когда молодой человек отчетливо понимает: это «хорошо», это «плохо», это «мое», это «чужое». А если детям и подросткам постоянно показывать, как добры, умны, симпатичны наркоман, гомосексуалист и проститутка, они наверняка воспримут это как установку.

– А если других установок не предлагают? Тимур и его команда, Васек Трубачев и его товарищи, по выражению тинейджеров, давно «не катят». Как вопрошал Маяковский, «делать жизнь с кого?». И сам же отвечал: «С товарища Дзержинского». Кстати, вы, Юрий Михайлович, должно быть, с ним согласны? Честно говоря, многие были в шоке от вашего предложения восстановить на Лубянке памятник «железному Феликсу». Пусть даже он и боролся, как вы тогда напомнили, с детской беспризорностью. Наверное, сегодня сразился бы с геями и шлюхами.

– Иронию твою не принимаю, и вот почему. В начале нашего разговора я сказал, что терпеть не могу навязанных стереотипов. Это касается и оценок личностей. Обществу внушили, что Дзержинский – палач, родоначальник сталинского террора. Но это же абсурд!

И даже не только потому, что он умер задолго до начала массовых репрессий. Нисколько не сомневаюсь, что с Дзержинским «разобрались» бы, не дожидаясь 37-го года. Такие люди Сталину были не нужны.

Давай посмотрим на него глазами, свободными от шор. Это был сильный, умный, образованный человек. У него всегда была своя точка зрения на то, что происходило в стране после 17-го года. Почему он взялся за руководство Высшим советом народного хозяйства? Потому, что многое знал и умел, у него было достаточно воли, чтобы решать хозяйственные вопросы. Причем речь тогда не шла о стабилизации – страну надо было попросту спасать от голода и разрухи, которые принесла Гражданская война.

Действительно, он боролся с детской беспризорностью. Боролся результативно. И было бы хорошо, если бы кто-то из сегодняшних членов правительства последовал его примеру. У нас ведь в Москве страшная картина: 98 процентов беспризорных – не москвичи, а ребята из других регионов и ближних государств. И бегут они в столицу в поисках спасения. Разве это не государственная проблема?

Да, Дзержинский был, как теперь говорят, представителем силовых структур. Ну не нравятся нам силовые структуры, мы вообще народ куда как свободный, нам бы в чистом поле гулять. Только почему-то российская свобода часто смахивает на рабство…

– И все же трудно поверить, что вы не просчитывали реакцию значительной части общества на свое предложение восстановить памятник. Ведь понятно же было, что вас обвинят в реанимации коммунистической идеологии, в попрании памяти невинно загубленных жизней.

– Все это я, конечно, понимал. Но если в чем-то убежден, то готов к абсолютно осознанному, как теперь говорят, снижению своего рейтинга. Я высказал свое мнение, а реакция пусть будет какая угодно. Если человек перестает говорить то, что считает верным, он разваливается как личность.

– Но объясните, в чем практический смысл этого предложения. Все равно ведь памятник никогда не восстановят.

– Восстановят, вот увидишь.

– Может быть, и северные реки в Азию повернут?

– Сто процентов.

– Тогда давайте все же на этом задержимся. Юрий Михайлович, с позиций пиара идея возвращения монумента Дзержинского и идея возродить проект переброски части стока сибирских рек в Центральную

Азию – вещи одного ряда. Предложения не то что непопулярные – одиозные. Притом высказанные почти одновременно. Девять из десяти политиков на такой акции сломали бы шею, загубили репутацию. Может быть, вас увлекает игра с огнем?

– Меня увлекает поиск истины, которому мешают стереотипы. Историю о том, как растоптали проект переброски северных рек, я помню превосходно. Сейчас абсолютно ясно, что была предпринята попытка общественности бороться с властью легальным способом. У всех на слуху было абсолютно неудачное решение Хрущева по целлюлозно-бумажному комбинату на Байкале. Так что к моменту, когда пошла проработка вопроса о переброске рек, в обществе уже накопилось раздражение от бездарных акций власти. Целина, кукуруза, типовое строительство и прочее. Сложился потенциал противодействия.

Сергей Залыгин и иже с ним действовали искренне, но неграмотно, неверно по сути. Искренность, к сожалению, вообще часто идет под руку с заблуждением. Но власть к тому времени ослабла настолько, что уже не могла противодействовать общественному мнению, не могла отстоять свое же решение. И в итоге на Политбюро постановили временно воздержаться от реализации этого проекта.

Когда я с ним серьезно ознакомился, меня поразило сочетание дотошной детальности и грандиозности замысла. Это

была не пустышка, это был итог труда многотысячного коллектива профессионалов. Сегодня, спустя почти два десятилетия, мы вновь обсуждаем эту идею, и тут нужно акцентировать важный момент. Если раньше осуществление проекта предполагалось в условиях экономики, когда цена воды практически отсутствовала, то сейчас мы говорим о воде, как о товаре, которым Россия обладает в избытке и который можно выгодно продавать. К тому же вода – возобновляемый ресурс, в отличие от нефти и других видов ископаемых, которые после извлечения в природе не восполняются.

Организовал я специальную научную конференцию на эту тему. Пришли все – и кто «за», и кто «против». Был проведен опрос, и 82 процента участников конференции поддержали проект. Между прочим, и Минприроды поддержало, поступив, считаю, мужественно. Так что я лишний раз убедился в том, что совсем не одинок в своей оценке. И наверняка рано или поздно идея будет реализована. Потому что она невероятно выгодна для страны. Тут нет ни альтруизма, ни благотворительности, ни имперских замашек – речь идет о прямой экономической выгоде.

Давай посмотрим цифры. Китай сейчас начал переброску 50 миллиардов кубометров воды с юга на север, установив цену 20 центов за кубометр. Нам надо перебросить 25 кубических километров – то есть 25 миллиардов кубометров. При ценовом аналоге китайцев – 20 центов – мы получим 5 миллиардов долларов в год. А весь проект стоит 12 милли-

ардов. Он окупится за три года, а работать будет сотни лет! Потрясающе эффективное вложение капитала.

А что касается пиара, повторюсь: я очень хорошо понимал, что мои предложения взрывают шаблонные представления: в одном случае о человеке, в другом – о хозяйственной идее. И я этого хотел. Хотел, чтобы через раздражители люди еще раз вернулись к этим темам.

– Вашу книгу «Возобновление истории» вы тоже причисляете к разряду раздражителей? В этом геополитическом исследовании есть мысли, с которыми наверняка не все согласны.

– Скажу честно: меня сильно испугало 11 сентября 2001 года. Причем испугало не только размером катастрофы, но и тем, что я, как мэр, не мог даже себе представить, что происходило бы со мной, случись это в Москве. Уже потом, во время «Норд-Оста», многое понял и прочувствовал, но это было уже потом.

А тогда я начал внимательно наблюдать за тем, как же поведут себя Соединенные Штаты Америки. И с изумлением увидел, что они начали искать не причины трагедии, а врага. Назначили главным противником Бен Ладена и вот уже два года ищут его по белу свету. Но ведь даже если бы нашли, если бы доказали, что именно он является организатором атаки на Нью-Йорк, – это что, обеспечило бы миру защиту от терроризма?

Тогда я написал статью, в которой пригласил к размышлению о том, что должна сделать цивилизованная часть мирового сообщества, чтобы не нарушилась устойчивость мира. Опубликовал эту статью в России. Хорошая реакция. Попытался напечатать в США. Не получилось. В этой свободной стране ее посчитали крамольной. Вот тогда-то я и решил написать книгу по этим проблемам. Которые, убежден, не надуманны, не виртуальны.

– То, что они не виртуальны, стало предельно ясно весной 2003 года на открытии знаменитой книжной ярмарки в Лейпциге. Вы, вероятно, помните, что именно в тот день, когда вы туда прилетели на презентацию «Возобновления истории», началась военная операция против Ирака. Точное совпадение по времени этих двух фактов – конечно, воля случая; американцы вполне могли запустить крылатые ракеты по Багдаду и днем позже. Но все же нечто мистическое в этом было.

Надо признать, что несколько сотен людей, которые до отказа заполнили зал на презентации, одним своим присутствием как бы подписались под вашими тревогами. Не говоря уж о том, что среди гостей была такая историческая для современной Европы фигура, как Ганс-Дитрих Геншер. Который, как оказалось, вашу книгу внимательно прочитал, поскольку добрых

полчаса ее комментировал.

– И, заметь, разделил многие позиции книги. При этом у меня сложилось впечатление, что господин Геншер оперировал гораздо более широкими понятиями, чем я, и увидел в книге то, о чем сам автор лишь догадывался. За что я ему чрезвычайно признателен.

Мы живем в очень быстро меняющемся мире. То, что казалось невероятным вчера, завтра уже реальность. Всего лет десять назад никто не думал спорить с Фрэнсисом Фукуямой, заявившим, что мир стабилизирован, история завершена и обществу не нужно ничего искать. Есть образцы демократии, образцы государственного устройства, и всем остальным государствам нужно только их копировать.

И вот теперь мы начали в этом сомневаться. Начали задавать себе и другим новые вопросы, которые вызваны отнюдь не нашим недоверием к безусловно умным философам и политологам, но результатами реальных изменений в мире.

А этот мир расколот. Есть страны «золотого миллиарда», которые концентрируют потенциал благосостояния. Но есть и миллиард населения, которое бедствует. Будет ли второй миллиард мириться с существованием первого? Или не даст ему покоя? Ведь бывают ситуации, когда терроризм становится по сути местью слабого – того слабого, которого сильный не желает даже выслушать. Поэтому нужно найти базисные, изначальные причины, которые приводят мир к

внутренне конфликтному состоянию. Найти – и постараться устранить.

Один наш известный политолог заявил: не дело мэра заниматься геополитическими проблемами. Мэр должен убирать улицы, обеспечивать город теплом, регулировать социальные вопросы… А я отвечу так: не нужно никого – ни мэра, ни любого другого человека – лишать права думать, сопоставлять, анализировать и делать выводы. А мой вывод прост: в этом мире все меж собой связано. Помнишь рассказ Рэя Брэдбери о том, как с помощью машины времени люди перенеслись на несколько столетий назад и один из них раздавил бабочку. А когда они вернулись, оказалось, что у власти находится диктатор.

Какое отношение анализ глобальных угроз цивилизации имеет к повседневной хозяйственной деятельности мегаполиса? Вроде бы никакого. На самом же деле – и с каждым годом это все более очевидно – контекст глобализации влияет буквально на все, от него просто невозможно отвлечься. А потому только в таком контексте и можно реально осознать и просчитать проблемы Москвы. И без ответа России на самый страшный вызов времени – угрозу деградации и самоликвидации страны – самая продуманная стратегия развития города выглядит насмешкой. Тут уж не отсидишься ни за МКАДом, ни за Садовым кольцом.

Забавная игра «подтолкни к промаху»

Глава о том, что если не можешь изменить ситуацию, измени взгляд на нее

Знаменитый французский имиджмейкер Жак Сегеда, который привел к власти нескольких европейских президентов, не консультировал Ю. М. перед выборами Госдумы (куда баллотировалось возглавляемое Лужковым движение «Отечество» в блоке с движением «Вся Россия») и мэра Москвы в декабре 99-го. Хотя был бы ему весьма полезен. В изданной у нас перед выборами книге «Национальные особенности охоты за голосами» (которая тут же стала библией политических технологов) Сегела пишет: «Политическое искусство наряду с искусством рекламы имеет глубинный смысл «подтолкни к промаху»… Власть никогда не завоевывают – это противник ее теряет».

Противники Лужкова, которые еще не раз будут названы, использовали максимум средств, чтобы подтолкнуть его к промаху. Мэр нападения ждал и, когда звякнул гонг, принял

привычную бойцовскую стойку. Методично и серьезно Ю. М. начал, как говаривали прежде, давать отпор клеветникам. Отвечал по существу на каждое обвинение, разъяснял прессе, как обстоят дела в действительности, подавал иски в суд. Похоже, если бы Лужкову «навесили» организацию эпидемии в Африке или государственного переворота в Объединенных Арабских Эмиратах, он и на сей счет посчитал бы нужным привести контрдоводы и воззвать к правосудию.

Впрочем, до подобных претензий дело не дошло, противники ограничились сущей малостью. Через группу СМИ под водительством первого и второго общенациональных телеканалов они последовательно приписали Лужкову владение земельным участком в Испании и роскошной резиденцией в Подмосковье, домом приемов в Карловых Варах и квартирой в Штатах, потворствование тоталитарным сектам, подлог при строительстве больницы в Буденновске, финансовые махинации с «Bank of New-York», протежирование бизнесу супруги, а также совсем уж мелкие грешки вроде организации убийства американского бизнесмена, предательство национальных интересов, выразившееся в попытке остановить чеченскую кампанию и тем выбить из игры тогдашнего премьера Путина, готовность к акциям гражданского неповиновения и даже вооруженному мятежу, близость к преступным кланам, поддержку коррумпированного чиновничества, развал правоохранительной работы в городе и приведение московской экономики к полному краху.

А вы как хотели? «Заставить избрать себя – отнюдь не аристократический вид спорта», – пишет Жак Сегела. Добавим: так же, как заставить не избрать противника.

Антилужковская акция, надо сказать, захватила воображение многих политиков и пиарщиков. Еще бы – такая коллизия!

Лужков не должен реагировать на наезды, говорили одни. Ноль внимания, фунт презрения! Газет не читаю, телевизор не смотрю – нет времени.

Так нельзя, спорили другие. Он же заявил, что Ельцин должен дать публичные объяснения по поводу своих заграншетов, теперь приходится самому на каждую дурь отвечать.

Но тогда, не унимались первые, нужен публичный конфликт. Лоб в лоб. Приглашают Доренко и Сванидзе в свои передачи – надо идти, делать заявления в прямом эфире, участвовать в теледебатах с конкурентами на место мэра…

…И тем самым поднимать всю эту публику до своего уровня? Ну уж нет, отрицали вторые. Возвышая других, принижаешь себя.

А Лужков уже давно не в облаках парит, следовало новое возражение. Еще недавно рейтинги показывали: во втором туре президентских выборов он бьет всех. И вот был человек – и нет человека! Не надо было отношения с Березовским доводить до крайности, забыл разве, как тот за неделю команду Чубайса закопал. И тот же Доренко, кстати, тогда гвозди в гроб вгонял.

При чем тут Березовский, горячились оппоненты, если Лужков лидером блока Примакова позвал? И значит, сам себя из президентских рейтингов вывел.

Сам же Лужков говорил разное. «Да, я не могу спокойно воспринимать клевету, она выводит меня из равновесия, но это нормально. Я человек, а не медуза». Но уже назавтра мог сказать иначе: «Я совершенно спокоен. Обо мне могут врать что угодно, сам же я абсолютно уверен в своей правоте и порядочности».

Работающие с Лужковым люди понимали: мэра нервирует то, что ему навязали игру, которой он не знает. Опытнейший и такой битый, что за него не двух, а дюжину небитых дадут, Ю. М. ощущал себя так, будто на таком знакомом ему футбольном поле против него затеяли метание молота, городки и стендовую стрельбу. То есть подтолкнули к промаху. Попытались вогнать Лужкова в ситуацию, когда любой его довод и любой поступок либо перевирают, либо освистывают, либо вообще не замечают. Как не проиграть такую партию? Дилемма, в сущности, проста: признать, что отсутствие правил является как раз правилом, и сражаться тем же оружием, что и противник, или следовать собственным правилам и внутренним законам, независимо от поведения противной стороны.

Внешне Лужков сохранял уверенность, исправно следовал ежедневному рабочему графику, следил за городским хозяйством, встречался в округах с избирателями и по

нескольку часов кряду отвечал на их вопросы. Но внутреннее напряжение все равно проступало наружу. Мэр стал мрачен, телеэкран высветил опаснейший признак: Лужков начал терять обаяние. Он явно что-то искал – быть может, всего одну мысль, которая даст ему внутреннюю опору. Опору в ситуации, когда тебя вынуждают отдать власть. В том числе власть над собой.

А противники завели новую пластинку: что это Лужков взял моду винить во всех своих бедах Кремль? И вообще, о какой травле идет речь? Этого мэра, в самом деле, до того избаловали похвалами и поклонами, что он уже комариный укус воспринимает как заговор.

Между тем стоит непредвзято прокрутить в памяти передачи первого и второго телеканалов за последние месяцы 99-го, да для полноты ощущений заглянуть в Интернет, доверху набитый перлами типа «Лужопа» и «Шкурий Пихайлович Кушков», да прибавить сюда массированные и явно тенденциозные проверки в московской милиции, прокуратуре и многих иных городских структурах, да присовокупить попытку ударить по столичному бюджету экономическими санкциями, как станет очевидно: кампания морального уничтожения Лужкова по интенсивности и вдохновению превзошла приснопамятные отечественные аналоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.